

АРКАДИЙ БОРИСОВ

СЧЕТ

КОГДА СЛОВО
ВАЖНЕЕ ЛЮБОГО
ЗНАНИЯ

ИНОГДА ЧТОБЫ УСЛЫШАТЬ ЧУЖОЕ,
НАДО ВСПОМНИТЬ СВОЁ

Аркадий Борисов

Снег

<https://litres.ru/74697304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Будущее, в котором сбылось всё. Болезни побеждены, старость отступила, а думать и работать за человека давно научились машины. Глебу в этом безупречном мире скучно и незачем — он подтверждает запятые за алгоритмом и тайком пишет стихи, единственное, что ещё остаётся людям.

Пока однажды машины не ловят сигнал чужого разума — и впервые в истории не могут его прочесть.

Самые мощные системы планеты видят в послании сплошную ошибку. А Глеб видит в нём то, чего не видят они. Потому что чужие прислали не чертёж и не формулу — а нечто такое, что можно понять только сердцем, и только если тебе есть что терять.

Тихая и пронзительная история о том, что останется человеку, когда машины станут лучше нас во всём.

Содержание

Снег	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Аркадий Борисов

Снег

Снег

В то утро, как и во всякое другое, мир превосходно обходился без меня. Свет на сорок седьмом этаже разгорелся сам, ровно под мои глаза, кофе ждал у локтя — не горячее и не холоднее, чем я люблю, — а суточная сводка для прессы была написана, выправлена и расставлена запятыми лучше, чем я управился бы за неделю. От меня требовалось одно: коснуться поля подтверждения, чтобы корпорация записала, будто над текстом потрудились человек. Я коснулся. Платили за это отменно, и совесть моя по такому поводу помалкивала.

Должность мне устроил дядя — не из любви, а чтобы я не позорил фамилию безработицей в мире, где работы не осталось ни для кого. Я не возражал. Просиживать день на сорок седьмом этаже и заверять чужие запятые было ничем не хуже прочих способов провести бессмертие, отвешенное нам тут щедрой рукой. В нижнем ящике, под фальшивым дном, лежали блокнот и стальное перо — настоящие, бумажные, выменянные у старьёвщиков за неприличные деньги, — и в свободные часы, то есть почти всегда, я писал стихи. Не от

великой муки. Просто выведенные рукой буквы, с кляксой и нажимом, оставались единственным, чего за меня ещё не делала машина.

Лидия Карловна появлялась между стеллажами в один и тот же час, будто и её выводили на экран по расписанию. Последняя живая редакторша корпорации, а может, и всей планеты; место при ней держали из вежливости, как держат кафедру при старом профессоре — до того дня, когда он уйдёт и её тихо упразднят. Под мышкой у неё, как обычно, торчал растрёпанный бульварный детектив: блюстительница двоеточий глотала эту макулатуру запоем и нисколько не смущалась.

— Опять тире, где просилось двоеточие, — сказала она, постучав ногтем по сводке. — Машина всё сообщает и ничего не обещает. Тебя это правда не злит?

— Меня давно ничто не злит, Лидия Карловна. Берегу себя.

— Себя он бережёт. — Она усмехнулась. — Тебе беречь себя ещё лет триста. А мне — две недели, и сдаю дела машине.

Сказано это было между делом, как про погоду, и я так же между делом пропустил это, не придав значения. Знал бы тогда, чего не расслышал.

— Снег принёс? — спросила она. Третий месяц она тянула из меня одну строчку про снег: тот, что переставал идти ещё в её молодости и какого никто моложе неё в городе уже

не застал. Настоящий снег во всей башне помнила, кажется, она одна.

— Стоит колом, — сознался я. — Не идёт, хоть тресни.

— И не пойдёт, пока не поймёшь, про что она. — Лидия Карловна забрала блокнот, перечитала, вернула. — Ты думаешь, она про снег.

— А про что?

Она только улыбнулась. Читать меня молча и оставлять догадываться самому было её любимым занятием.

Эдик подкатился, едва она отошла. На запястье у него поблёскивали старые механические часы — он носил их не ради времени, которого и так у всех было в избытке, а потому, что бесполезная, ничего не считающая редкость ценилась дороже любого индекса.

— Тебя вчера снова не было в раскладке вкладов, — сообщил он почти ласково.

— И не буду, Эдик. Я туда не вкладываюсь.

— Зря. Система всё видит. Система всё складывает.

— Вот пусть и складывает. Не переломится.

Он потоптался, не дождался, ради чего топтался, и уплыл наращивать показатели туда, где их было кому заметить. За окном стоял город, не знавший ни нужды, ни ветхости, ни конца: башни смотрелись так, словно простоят вечно, и явно на то и рассчитывали. Я подышал на стекло. Оно, разумеется, не запотело. Я вернулся к снегу, которого не было, — и в эту минуту сводка не ушла.

Поле, где машина каждое утро без единой осечки выкладывала готовый текст, осталось пустым. Не «загрузка», не «сбой», не вежливая строчка извинения, какую система сочиняла изящнее любого из нас, — просто ровная, нетронутая белизна, какой я здесь не видел ни разу. Лидия Карловна подошла, сняла и снова надела очки, которые носила из чистого упрямства, и, против обыкновения, не нашла, что поправить. По этажу прокатилась тихая нота приоритетного вызова, и кто-то у дальней стены сказал вполголоса, что детекторы на лунной стороне ночью поймали такое, чего отказываются переводить все системы корпорации разом.

— Готовь заявление, — сказала Лидия Карловна, не отрываясь от белого поля. — Об информационной аномалии.

Машина, писавшая за нас всё, впервые не написала ничего.

Я же, дурак, обрадовался — хоть что-то наконец пошло не так.

* * *

Заявление спихнули, разумеется, на меня. Лидия Карловна сунула мне распоряжение, не отрываясь от стеллажей: она разбирала их, складывая полувековые распечатки и свои детективы в коробки, и по тому, как неспешно это делала, видно было, что прощается не на две недели, а насовсем.

— Спустишься в расшифровку, поглядишь, чего они там наловили, и напишешь про аномалию, — сказала она. — Сходи. Тебе полезно.

— Чем же полезно?

— А вдруг увидишь то, чего они не видят. — Она так и не обернулась. — Ты ведь у нас читаешь, а не считаешь.

Лифт уходил ниже, чем я когда-либо забирался, и чем глубже падал, тем меньше оставалось от вылизанного верхнего мира. Сперва пропала музыка. Потом снизу пополз тёплый, живой сквозняк, какого наверху не водилось вовсе. А под конец в нос ударило горьким, настоявшимся духом людей, которые давно отсюда не выходили. Я вдохнул его с непонятным удовольствием: так пахло место, где что-то наконец шло не по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.